

А. С. Г Р И Б О Е Д О В

ЕГО ЖИЗНЬ и ГИБЕЛЬ

В МЕМУАРАХ СОВРЕМЕННОКОВ

Редакция и примечания Зин. ДАВЫДОВА

Издательство «КРАСНАЯ ГАЗЕТА». Ленинград. 1929

ОТВЕТ РЕЦЕНЗЕНТУ ³⁸

С душевным удовольствием прочел я статью вашу о незабвенном для меня Грибоедове. Вы вполне поняли и оценили его светлый ум, его благородную душу, страстную любовь к отечеству и огромное дарование. Но вы замечаете справедливо, что в изданных его биографиях многого недостает, а потому вызываете друзей его пополнить эти пробелы.

Конечно, из всех, которые называют теперь себя его друзьями, никто более меня не имеет на это права. Я знал его с юношеских лет, долго жил с ним, следил за каждым его шагом и пользовался неизменной его дружбой до конца жизни. В этом последнем отношении может состязаться со мной только А. А. Жандр: Грибоедов всегда видел в нем истинного друга, любил и душевно уважал его, но Жандр узнал его позднее меня.

Намереваясь написать краткий очерк биографии Грибоедова, против воли моей я вынуждаюсь необходимостью говорить о себе. Без личных, самых откровенных и самых дружеских отношений Грибоедова ко мне я мог бы только сказать о нем, что он написал превосходную комедию и убит в Персии, но это известно всем.

Грибоедов родился в Москве, 1795-го года; мать его, имевши только сына и дочь, ничего не пощадила для их воспитания*, и Грибоедов своей понятливостью и любо-

* За ней было тогда две тысячи душ, но впоследствии времени дела ее расстроились. С. Б.

знанием в полной мере удовлетворял ее. Тогда еще не были назначены лета для вступления в университет, и он вступил студентом тринадцати лет, зная уже совершенно французский, немецкий и английский языки и понимавши свободно в оригинале всех латинских поэтов; в дополнение к этому имел необыкновенную способность к музыке, играл отлично на фортепиано, и если бы посвятил себя только этому искусству, то, конечно, сделался бы первоклассным артистом. Но на пятнадцатом году его жизни обозначилось уже, что решительное его призвание — поэзия. Он написал в стихах пародию трагедии «Дмитрия Донского», под названием «Дмитрий Дрянской», по случаю ссоры русских профессоров с немецкими за залу аудитории, в которой и русские и немецкие профессора хотели иметь кафедру * Начинается так же, как и в трагедии, советом русских, которые хотят изгнать из университета немцев, потом так же кстати, как в трагедии явилась в сан княжна Ксения, пришла в университет Аксиция и т. п. Все приготовились к бою, но русские одержали победу. Профессор Дмитрий Дрянской **, издававший журнал, вышел вперед, начал читать первый номер своего журнала, и немцы все заснули. Тетрадка эта, написанная его рукой, сохраняется у меня ***. Конечно,

* Из русских профессоров Грибоедов слушал как студент этико-политического факультета (1810—1812 гг) Сохацкого и Спешнева, из немцев — Гейма, Буле, Рейтарда и Шлецера.

** Вероятно, намек на профессора М. Т. Каченовского, издававшего «Вестник Европы» с 1807 года, затем после небольшого перерыва — с ноября 1809 г., и очень нападавшего на подражанье всему иностранному.

*** Потом она была передана Д. А. Смирнову («Русск. Слово», 1859 года, № 4, стр. 2) и, вероятно, стореда вместе с прочими бумагами Д. А. Смирнова. Единственное указание на ее содержание находим в этом месте *записки*, а между тем, она очень любопытна. В период общего увлечения ложноклассической трагедией Озерова «Дмитрий Донской» (1807 г.), писать пародию на нее является делом весьма оригинальным, отличающим уже и в то время сатирические наклонности молодого студента.

это произведение юношеское, но в нем однако ж много юмора и счастливых стихов *.

[Штейн вышел... и поступил простым солдатом]... Он пользовался сердечным уважением Иона³⁹. Вскоре [около] 1811 года... Штейн [оставил] свое место в отечестве... Нашел в Москве убежище от гонения Наполеона, [который] объявил его в газетах вне закона, hors la loi **.

Буле познакомил с Штейном Грибоедова, Штейн приласкал юношу, и Грибоедов несколько раз рассказывал мне с удовольствием о беседах их с Штейном и Булем...

[Затем А. С. Грибоедов, когда неприятель приблизился к границе России, поступил под команду князя Салтыкова, получившего дозволение сформировать гусарский полк].

Но едва приступили к формированию, как неприятель взшел в Москву. Полк этот получил повеление идти в Казань, а по изгнании неприятелей, в конце того же года, предписано ему было следовать в Брест-Литовск, присоединиться к разбитому Иркутскому драгунскому полку и принять название Иркутского гусарского. Здесь началось наше знакомство, а вместе с этим истинная и неизменная дружба на всю жизнь. По заключении мира он приехал в отпуск в Петербург и осенью того же года вышел в отставку из гусар и кажется 1815 года причислен иностранной коллегии ***. Я служил тогда в гвардии, и мы жили с ним вместе. 19-ти лет написал он в одном действии, в стихах, комедию «Молодые супруги». Содержание взято из французской пьесы («Secret du ménage»). Кажется, г. рецензент, это вам неизвестно, но ее тогда часто давали на петербургской сцене и всегда она была принята публикой очень хорошо. В Петербурге, по молодости лет, Грибоедов вел веселую и разгульную жизнь. С его

* Далее в рукописи оторвана часть листа. Восстанавливаем по догадке, что возможно.

** Так говорили тогда в Москве, но за достоверность этого я не ручаюсь. С. Б.

*** Это было 9 июля 1817 года.

неистошимою веселостью и остротой, везде, когда он попадал в круг молодых людей, был он их душой. Всегдашнее же наше и почти неразлучное общество составляли Грибоедов, Жандр, Катенин ⁴⁰, Чипягов ⁴¹ и я. Все они, кроме меня, были в душе поэты *, много читали, знали хорошо европейскую литературу и отдавали преимущество романтикам. В дружеских беседах часто сообщали они друг другу планы будущих своих сочинений, но мало писали да и не имели времени для этого от своих служебных занятий. Все мы любили очень театр, часто его посещали и оканчивали наш вечер, т.-е. до 2 и 3 часов утра, у князя Шаховского, бывшего тогда директором театра. Хозяин был очень любезен, всегда весел, и разговор его о всех предметах был занимателен и разнообразен, но более он любил говорить о литературе. В доме его встречались разнообразные и разнохарактерные лица. Тут можно было увидеть и литератора, и артиста, и даровитого актера, и хорошенькую актрису, и шалуна офицера, а иногда и ученого академика **. Веселая и беззаботная была тогда жизнь наша. Я, при старости моей, до сих пор с удовольствием вспоминаю об этом времени.

С Хмельницким Грибоедов был знаком только по дому князя Шаховского и ни в одной из его комедий не участвовал. Но по просьбе кн. Шаховского написал он одну сцену в комедии его «Своя семья» и для бенефиса, не помню какого актера, перевели они с Жандром с французского, в несколько дней, маленькую комедию «Притворная неверность». А судя только по этому, вы г. рецензент, удивляетесь резкому переходу Грибоедова в ко-

* Булгарин, в изданной им биографии Грибоедова, написал, что он в обществе литераторов был только с 1824 [?] года. С. Б.

** Князь Шаховской был членом академии и лучшим того времени писателем для сцены. Многие его комедии исполнены комической веселостью, и публика всегда видела их с удовольствием. По страсти своей к театру, он сформировал многих хороших актеров. С. Б.

меди «Горе от ума» и спрашиваете, «каким образом из школы поверхностно-остроумной и однообразно-забавной на французский лад — мог выйти писатель такой, как Грибоедов?» Но при первом знакомстве нашем вкус и мнение Грибоедова о литературе были уже сформированы: это известно мне на мой собственный счет. Из иностранной литературы я знал только французскую и в творениях Корнеля, Расина и Мольера я видел верх совершенства. Но Грибоедов, отдавая полную справедливость их талантам, повторял мне: «Да зачем они вклеили свои дарования в узенькую рамочку трех единств? И не дали воли своему воображению расхотиться по широкому полю?» Он первый познакомил меня с «Фаустом» Гете и тогда уже знал почти наизусть Шиллера, Гете и Шекспира.

Все творения этих гениальных поэтов я прочел после в французском переводе. Никогда не говорил мне Грибоедов о виденном им в Персии сцене *, вследствие которого он написал «Горе от ума», но известно мне, что план этой комедии был у него сделан еще в Петербурге 1816 года, и даже написаны были несколько сцен; но не знаю, в Персии или Грузии, Грибоедов во многом изменил его и уничтожил некоторые действующие лица, а, между прочим, жену Фамусова, сантиментальную модницу и аристократку московскую (тогда еще поддельная чувствительность была несколько в ходу у московских дам), и вместе с этим выкинуты и написанные уже сцены.

Настал наконец 1818 год, с которого жизнь Грибоедова совершенно изменилась и взяла переворот, благотворный для его дарований.

К нам ездил часто сослуживец мой по полку, молодой, очень любезный, шалун и ветренник, поручик Шереметев ⁴². В одно утро вбегает он к Грибоедову совершенно расстроенный, жалуется, что тандовщица ⁴³, в которую он

* Булгарин в своей биографии Грибоедова говорит об этом.
С. Б.

был влюблен, изменила ему для графа Завадовского ⁴⁴, говорил, что он застрелит его, послал уже к нему вызов и просил Грибоедова быть у него секундантом. Со всем своим красноречием Грибоедов не мог уговорить его, и на другой день Шереметев был смертельно ранен *. Я был в отсутствии, и Грибоедов писал ко мне в Москву, что на него нашла ужасная тоска, он видит беспрестанно перед глазами умирающего Шереметева, и пребывание в Петербурге сделалось для него невыносимо. А в продолжение этого времени познакомился с ним очень замечательный по уму своему Мазарович; он был назначен поверенным по делам в Персию и предложил Грибоедову ехать с ним секретарем посольства ⁴⁵. Я возвратился из Москвы за несколько дней до их отправления, и горестно было расставание наше!

Трехлетнее (если не ошибаюсь) пребывание его в Персии и уединенная жизнь в Тебризе ** сделали Грибоедову большую пользу. Сильная воля его укрепилась, всегдашнее любознание его не имело уже преграды и рассеяния. Он много читал по всем предметам наук и много учился. Способность его к изучению языков была необыкновенная: он узнал совершенно персидский язык, прочел всех персидских поэтов и сам мог писать стихи на этом языке. Начал также учиться санскритскому языку, но учение это не кончил. Потом был он чиновником при известном генерале и тогдашнем начальнике Грузии и Кавказа, Алексее Петровиче Ермолове, пользовался его благорасположением, бывал с ним в военных экспедициях и до конца жизни отлично уважал его. Из Грузии писал он мне:

Якубович, один из секундантов, оказавшийся по следствию главной причиной этой дуэли, был выписан из гвардии тем же чином в армейский полк и отправлен в Грузию. А Грибоедов по высочайшей воле оставлен без наказания. С. Б.

** Посланник наш по временам только ездил в Тегеран ко двору шаха, но жил всегда в Тебризе, при тогдашнем наследнике Аббас-Мирзе, любимом сыне шаха и правителе Персии. С. Б.

«Наш кавказский проконсул ⁴⁶ гигантского ума!» и после лично несколько раз повторял мне то же. После пятилетней разлуки, с душевной радостью увиделись мы опять с ним в Москве. Он приехал в отпуск в марте 1823 года.

Из комедии его «Горе от ума» написаны были только два действия. Он прочел мне их, на первый акт я сделал ему некоторые замечания, он спорил и даже показалось мне, что принял это нехорошо. На другой день приехал я к нему рано и застал его только-что вставшим с постели: он неодетый сидел против растопленной печи и бросал в нее свой первый акт лист по листу. Я закричал:

— Послушай, что ты делаешь?!!

— Я обдумал, — отвечал он, — ты вчера говорил мне правду, но не беспокойся: все уже готово в голове моей.

И через неделю первый акт уже был вновь написан.

В апреле я женился ⁴⁷; событие это интересно только для меня одного, и я бы, конечно, об нем умолчал без маленького происшествия, которое характеризует поэтическую натуру Грибоедова. Он был у меня шафером и в церкви стоял возле меня. Перед началом службы священнику вздумалось сказать нам речь; Грибоедов, с обыкновенной своей тогдашней веселостью, перетолковывал мне на ухо эту проповедь, и я насилу мог удерживаться от смеха. Потом он замолчал, но, когда держал венец надо мной, я заметил, что руки его трясутся и, оглянувшись, увидел его бледным и со слезами на глазах. По окончании службы, на вопрос мой: «Что с тобой сделалось?» — «Глупость», отвечал, «мне вообразилось, что тебя отпевают и хоронят».

Я выехал из Москвы в конце мая, но перед отъездом моим недели за три, я очень редко видел его. Он пустился в большой московский свет, бывал на всех балах, на всех праздниках, пикниках и собраниях, по дачам и проч. и проч.

На замечание мое о перемене его образа жизни, Грибоедов всегда отвечал: «Не бойся! время мое не пропадет». Мать его ⁴⁸, живши безвыездно всегда в Москве и имевши дочь невесту ⁴⁹, вывозила ее в свет и имела

огромное знакомство. Но он прежде никуда почти не ездил! Вслед за мной приехал ко мне в деревню брат мой ⁵⁰ с семейством и Грибоедовым. Последние акты «Горе от ума» написаны в моем саду, в беседке. Вставал он в это время почти с солнцем; являлся к нам к обеду и редко оставался с нами долго после обеда, но почти всегда скоро уходил и приходил к чаю, проводил с нами вечер и читал написанные им сцены. Мы всегда с нетерпением ожидали этого времени. Он хотел оставить мне на память свою пьесу, написанную его рукой, но имел терпение написать только два акта, а остальные не заставил писаря; тетрадь эта у меня сохраняется. В сентябре Грибоедов возвратился со мной в Москву и жил у меня в доме до июня 1824 года, располагая опять провести лето со мной в деревне, но мне случилась надобность ехать совершенно в другую сторону, а он отправился в Петербург, где и прожил около года.

Не имею довольно слов объяснить, до чего приятны были для меня частые (а особливо по вечерам) беседы наши вдвоем. Сколько сведений он имел по всем предметам! Как увлекателен и одушевлен он был, когда открывал мне, так сказать, нараспашку свои мечты и тайны будущих своих творений, или когда разбирал творения гениальных поэтов! Много он рассказывал мне о дворе персидском, нравах и обычаях персиян, их религиозных сценических представлениях на площадях и пр., а также об Алексее Петровиче Ермолове и об экспедициях, в которых он с ним бывал. И как он был любезен и остер, когда бывал в веселом расположении!

Из планов будущих своих сочинений, которые он мне передавал, припоминаю я только один. Для открытия нового театра в Москве, осенью 1823 года, располагал он написать в стихах пролог в двух актах, под названием «Юность вещего». При поднятии занавесы, юноша-рыбак, Ломоносов, спит на берегу Ледовитого океана и видит обаятельный сон: сначала разные волшебные явления,

потом музы, которые призывают его, и, наконец, весь Олимп во всем его величии. Он просыпается в каком-то очаровании; сон этот не выходит из его памяти, преследует его и в море, и на необитаемом острове, куда с прочими рыбаками отправился он за рыбным промыслом. Душа его получила жажду познания чего-то высшего, им неведомого, и он убегает из отеческого дома. При открытии занавесы во 2-м акте, Ломоносов в Москве, стоит на Красной площади. Далее я не помню. Но слух об его комедии распространился по Москве, он волею и неволею читал ее во многих домах. Сначала это льстило самолюбию молодого автора, а потом ужасно ему наскучило и отняло у него много времени. Пролога он написать не успел, а театр открылся.

На возвратном пути из Петербурга, 1825 года, Грибоедов уже ко мне не заехал и проехал в Грузию через Крым, который желал видеть. А в начале 1826 года отправлен он был генералом Ермоловым по делам службы⁵¹ в Петербург, возвратился оттуда в Москву в конце июля и в начале августа был у меня в деревне на один день: он спешил съехаться с генералом Паскевичем в Воронеже. Известный теперь уже всей Европе князь Варшавский, граф Паскевич-Эриванский всегда принимал Грибоедова родственно * и почти дружески. Грибоедов служил при нем в персидскую кампанию, был во всех сражениях возле главнокомандующего, исполнял многие его препоручения и преимущественно участвовал в переговорах о мире, потому что он знал хорошо Персию и персидский язык. Все это засвидетельствовал граф Эриванский перед государем императором и послал его с донесением о мире. В проезд его через Москву, он заезжал ко мне часа на два и между прочим сказывал мне, что граф Эриванский спрашивал его, какого награждения он желает.

Супруга князя Варшавского — двоюродная сестра покойного Грибоедова. С. Б

— Я просил графа, — говорил он, — представить меня только к денежному вознаграждению. Дела матери моей расстроены, деньги мне нужны, я приеду на житье к тебе. Все, чем я до сих пор занимался, для меня дела посторонние, призвание мое — кабинетная жизнь, голова моя полна, и я чувствую необходимую потребность писать.

Но по прибытии Грибоедова в Петербург государь-император принял его очень милостиво и осыпал награждениями. Он получил и деньги, и чин, и орден св. Анны 2-й степени с бриллиантами, а потом министр предложил ему ехать полномочным послом в Персию. На пути к месту своего назначения Грибоедов пробыл у меня три дня. В разговорах наших между прочим спросил я его, не написал ли он еще комедии, или нет ли еще нового плана.

— Я уже говорил тебе при последнем свидании, — отвечал он, — что комедии больше не напишу, веселость моя исчезла ³², а без веселости нет хорошей комедии. Но есть у меня написанная трагедия.

И тут же рассказал он содержание и прочел наизусть читанные им сцены в Петербурге.

Не стану говорить мнения моего об этих сценах, вы его высказали в ваших рецензиях *. Но на убеждения мои прочесть мне всю трагедию он никак не согласился.

— Я теперь еще к ней страстен, — говорил он, — и дал себе слово не читать ее пять лет, а тогда, сделавшись равнодушнее, прочту, как чужое сочинение, и если буду доволен, то отдам в печать!

Во все время пребывания его у меня он был чрезвычайно мрачен, я ему заметил это, и он, взявши меня за руку, с глубокой горестью сказал:

— Прощай, брат Степан, вряд ли мы с тобой более увидимся!

* Дело идет о трагедии «Грузинская ночь». Вот слова Дудышкина: «Замысел этой трагедии очень трагичен, и в нем видна уж та глубина мысли, без которой трудно было бы вообразить себе Грибоедова после «Горе от ума».

— К чему эти мысли и эта ипохондрия? — возразил я: — ты бывал и в сражениях, но бог тебя миловал...

— Я знаю персиян, — отвечал он: — Алаяр-Хан * мой личный враг, он меня уводит! Не подарит он мне заключенного с персиянами мира. Старался я отделаться от этого посольства. Министр сначала предложил мне ехать поверенным в делах, я отвечал ему, что там нужно России иметь полномочного посла, чтобы не уступать шагу английскому послу. Министр улыбнулся и замолчал, полагая, что я по честолюбию желаю иметь титул посла. А я подумал, что туча прошла мимо и назначат кого-нибудь чиновнее меня, но чрез несколько дней министр присылает за мной и объявляет, что я назначен полномочным послом. Делать было нечего! Да и самое назначение меня полномочным послом в моем чине ** я должен считать за милость, но предчувствую, что живой из Персии не возвращусь.

То же рассказывал мне при свидании А. А. Жандр. Грибоедов прямо от министра приехал к нему поздно вечером, разбудил его и сказал:

— Прощай, друг Андрей! Я назначен полномочным послом в Персию, и мы более не увидимся.

И, к несчастью, предчувствие это сбылось! Он погиб в цвете лет своих, и всем известна его трагическая кончина. Более 25-ти лет прошло после этого события, но и до сих пор я не могу без грусти вспомнить об этом! Он был хорошим сыном, хорошим братом, верным другом и всегда по сердцу готовым на помощь ближнему.

* Алаяр-Хан был зять тогдашнего шаха персидского и в большой силе при дворе. Он возбудил шаха к объявлению войны. С. Б.

** Он только перед этим произведен был в статские советники. С. Б.